

Мас. 1005

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

БѢДНАЯ НЕВѢСТА.

По поводу разказа А. П. Чехова „Анна на шеѣ“. (Русскія Вѣдомости, № 292).

Бѣдная: за красоту беретъ...
Островскій.

I.

А помнить ли кто *Бѣдную невѣсту* Островскаго? То-есть я спрашиваю не о названіи—названіе, конечно, всѣ помнить,—а въ самомъ дѣлѣ?

Казалось бы, странный вопросъ. Всякому образованному человеку надо знать Островскаго, ну, по крайнѣй мѣрѣ, лучшія его произведенія; однако, какъ-то этого не замѣтно чтобы знали. Помнить, съ грѣхомъ пополамъ, еще тѣ изъ такъ-называемыхъ образованныхъ людей на глазахъ которыхъ прошла вся дѣятельность Островскаго, для которыхъ его произведенія были новинкой,—а среди молодежи, вѣстается, уже не очень знаютъ его. Развѣ тѣ пьесы которыя даютъ на театрѣ... но почти всѣ лучшія пьесы Островскаго давно изгнаны съ нашей сцены. Ну, а читать Островскаго—мало кто читаетъ.

У насъ вообще читать не любятъ: читаютъ газеты, журналы, и

если возьмутся за книгу, такъ развѣ за ту которая почему-нибудь нахлала шуму сейчасъ. Такъ вообще, въ обществѣ, между образованными людьми. Ну, а молодые люди, болѣе впечатлительные, болѣе жаждущіе просвѣщенія,—что они читаютъ?

Въ одномъ разказѣ г. Чехова, озаглавленномъ *Скучная исторія*, вотъ что говоритъ старикъ-профессоръ, знаменитый ученый, о современной молодежи:

„Еслибы меня спросили“,—говоритъ профессоръ,—„что мнѣ не нравится въ теперешнихъ моихъ ученикахъ, то я отвѣтилъ бы на это не сразу и немного, но съ достаточною опредѣленностью. Недостатки ихъ я знаю, и мнѣ поэтому вѣтъ надобности прибѣгать къ туману общихъ мѣстъ. Мнѣ не нравится что они курятъ табакъ, употребляютъ спиртные напитки и поздно женятся; что они безпечны и часто равнодушны до такой степени что терпятъ въ своей средѣ голодающихъ и не платятъ долговъ въ общество вспомошествованія студентамъ. Они не знаютъ новыхъ языковъ и неправильно выражаются по-русски; не даѣе какъ вчера мой товарищъ-гигіенистъ жаловался мнѣ что ему приходится читать вдвое больше, такъ какъ они плохо знаютъ физику и совершенно незнакомы съ метрологіей. Они охотно поддаются вліянію писателей новѣйшаго времени, и даже не лучшихъ, но совершенно равнодушны въ таинствѣ классикамъ какъ, напримѣръ, Шекспиръ, Маркъ-Аврелій, Элиэтетъ или

Паскаль, и въ этомъ неумѣніи отличать большое отъ малаго наиболѣе всего сказывается ихъ житейская непрактичность. Всѣ затруднительные вопросы, имѣющіе болѣе или меньше общественный характеръ (напримѣръ, переселенческій), они рѣшаютъ подписными листами, но не путемъ научнаго изслѣдованія и опыта, хотя послѣдній путь находится въ полномъ ихъ распоряженіи и наиболѣе соотвѣтствуетъ ихъ назначенію. Они охотно становятся ординаторами, ассистентами, лаборантами, екстернами и готовы занимать эти мѣста до сорока лѣтъ, хотя самостоятельность, чувство свободы и личная инициатива не меньше нужны въ наукѣ чѣмъ, напримѣръ, въ искусствѣ.“

Вотъ печальная, но вѣрная картина, быть-можетъ еще нѣсколько смягченная. Въ томъ же разказѣ г. Чехова, другой профессоръ, болѣе нервный и раздражительный, еще рѣзче отзывается о современной молодежи, и именно о литературныхъ ея влусахъ и наклонностяхъ.

Что же это значитъ? Отчего это происходитъ?

Какъ это у Шиллера начинается *Покрывало Изиды*?

Жрецами Сауса, въ Египтѣ, взять въ ученье
Былъ пыскій юноша, алкавшій просвѣщенія...

Да. Такъ вотъ,—гдѣ онъ. Этотъ юноша „алкавшій просвѣщенія“? Что-то его не видно. А говорятъ, еще не такъ давно, еще въ сороковыхъ, въ

пятидесятих годах онъ попадался довольно часто. Онъ зачитывался Шекспиромъ, восторгался Пушкинымъ, и если попадалъ подъ влияние современныхъ ему писателей, то „не изъ худшихъ“. Объ этомъ свидѣлствуетъ наша художественная литература: припомните кое-что о томъ времени изъ Тургенева, изъ Писемскаго; объ этомъ свидѣлствуютъ и біографическія свѣдѣнія о такихъ людяхъ, какъ Грановскій, Герценъ, Станкевичъ.

Куда же дѣвался этотъ юноша „алкавшій просвѣщенія“? Чего „алчетъ“ современный юноша? Говорятъ: диплома. Есть и такіе, — но не всѣ же. И зло, и несправедливо было бы сказать такъ про всѣхъ. Но можно сказать, кажется, безъ особаго преувеличенія, что въ университетъ идутъ за чѣмъ угодно, только не за просвѣщеніемъ.

Чтобы не впадать въ невѣрные сравненія, мы, говоря о томъ, прежнемъ юношѣ, „алкавшемъ просвѣщенія“, оставимъ Грановскихъ, Герценовъ, Самариныхъ, Аксаковыхъ, а возьмемъ средняго сорта молодого человека. Припомнимъ хотя бы Тургеневскаго Гамлета Щигровскаго уѣзда, припомнимъ его трогательное и комическое воспитаніе: „Вѣдь я Гегеля изучалъ, государь мой, вѣдь я Гёте наизусть знаю!“ съ пафосомъ говоритъ онъ. Ну, а чѣмъ славалъ бы современный молодой человекъ средняго сорта? Чтѣ онъ „изучалъ“, чтѣ онъ „наизусть знаетъ“? „Вѣдь я Добролюбова изучалъ, государь мой, я

Надсона наизусть знаю!“ Вотъ чтѣ сказалъ бы онъ, этотъ современный молодой человекъ...

Грустно!

Я вѣдь не о „направленіи“ говорю, но о „либерализмѣ“. Юность всегда склонна къ либерализму, если понимать это слово въ хорошемъ и въ широкомъ смыслѣ. Это настроеніе юности, этотъ ея либерализмъ, превосходно выражено Пушкинымъ:

Негодование, сожалѣнье,
Ко благу частая любовь
И славы сладкое мученье
Въ немъ рано волновали кровь...

Чего стоитъ юноша который не переживалъ этого настроенія? Но въ современной молодежи именно это-то настроеніе, кажется, замѣчается весьма рѣдко, потому что вѣдь этотъ благородный романтизмъ какъ-то плохо совмѣстимъ съ преклоненіемъ предъ пошлюю либеральною болтовней, — болтовней, въ которой прежде всего нѣтъ ни души, ни страсти, ни чувства, ни таланта...

У Пушкина есть и еще чудныя строфы объ этихъ юношескихъ настроеніяхъ:

Мѣжъ нами все рождало споры
.....
Время манушакъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,
И предрасудки вѣковые,
И гроба тайны роковыя...

Существуетъ ли теперь это настроеніе? Споры-то есть — но какіе? И спорять-то все по той же узкой

„не лучшихъ писателей новѣйшаго времени“.

Говорятъ, теперь среди молодежи въ большомъ ходу вопросы нравственные, а отчасти и религіозныя. Не знаю, не берусь судить. Но кажется мнѣ по инымъ признакамъ что это [не совсѣмъ такъ; кажется мнѣ по инымъ признакамъ что въ средѣ молодежи все же господствуетъ политическій либерализмъ, — самый пошлый изъ всѣхъ видовъ либерализма, — что къ нему, къ этому политическому либерализму, сводятся и всѣ прочіе вопросы, исключительно до вопросовъ науки и искусства. А при такой постановкѣ дѣла о какой же наукѣ и о какомъ искусствѣ можетъ быть рѣчь?

Но пусть. Пусть теперь въ ходу вопросы нравственные. Однако, вѣдь если эти нравственные вопросы не будутъ олухотворены ни религіознымъ, ни эстетическимъ воззрѣніемъ, то вѣдь они сведутся на обыкновенное резонерство — сухое, холодное, безжизненное...

Между тѣмъ съ большою достовѣрностью можно сказать что ни религіозное, ни эстетическое воззрѣніе не имѣютъ вліянія среди нашей молодежи. О религіи не будемъ уже и говорить. А эстетика? Кто среди нашей молодежи увлекается Шекспиромъ и Пушкинымъ? Кто ихъ знаетъ, кто ихъ любитъ? А театръ? Чего тамъ ищутъ? Или послѣобѣденнаго развлеченія, или „благородныхъ“ тирадъ на такъ-называемыя „общественныя“ темы. Искусство же, са-

но по себѣ, повидимому, мало кому нужно...

II.

Я уклонился от своей темы: такъ, въ слову пришлось—я не прошу извиненія у читателей: вопросъ-то этотъ ужь очень тягостный, и вѣтъ-вѣтъ, невольно заговоришь о немъ.

Впрочемъ, высказанное мною отчасти относится и къ нашей темѣ.

Я упомянулъ Островскаго и его *Блдную нестѣ*. Вотъ теперь г. Чеховъ написалъ разназъ... на ту же тему... Это любопытно—любопытно сравнить вѣтъ выпившій и вѣтъ минувшій. Г. Чеховъ талантливъ—съ этимъ никто не спорить. Его нельзя упрекнуть и въ тенденціозности. Напротивъ, наша либеральная критика постоянно упрекаетъ г. Чехова въ *отсутствіи тенденціозности*, называя это отсутствіе тенденціозности отсутствіемъ міросозерцанія. Очевидно, либеральная критика не совсемъ еще, какъ говорится, раскусила г. Чехова. Происходитъ это отъ очень простой и... наивной причины. Г. Чеховъ, особенно въ послѣднее время, помѣщаетъ свои произведенія, большею частію, въ либеральныхъ изданіяхъ; но такъ какъ въ этихъ произведеніяхъ ничего либеральнаго нѣтъ, то критика и рѣшила что у г. Чехова вообще нѣтъ міросозерцанія. Между тѣмъ, въ его произведеніяхъ можно замѣтить совершенно опредѣленные симпатіи и антипатіи. Насколько эти симпатіи и антипатіи обусловлены

его міросозерцаніемъ—не берусь рѣшить; но, повторяю, онъ совершенно определенъ. Читая его произведенія, ясно видишь что ему нравится старинные помы, дѣлчи, мужики, бабы, вообще простые люди—и не нравится такъ называемая «интеллигенція». Простые люди выходятъ у него яркими, выразительными, ихъ душевная жизнь очень проста, но и очень содержательна. «Интеллигенты» у него выходятъ блѣдыми, тѣлыми и почти что лишенными всякой душевной жизни. И дѣло не въ томъ чтобы онъ ихъ изображалъ блѣдно, напротивъ; но онъ самъ-то блѣденъ, тѣленъ, лишенъ какого бы то ни было внутренняго содержанія, и какъ только нѣтъ прихотится сталкиваться съ живою жизнью, онъ только и умѣетъ что бѣжать толку перенимать.

Очень понятно что симпатія автора на сторонѣ простыхъ людей: тутъ нѣтъ никакой тенденціозности. Просто ему, какъ художнику, нравится яркое, выразительное, тѣльное, яркое, какъ, напримеръ, лица, какъ его отецъ Храбровъ. И такіа лица онъ расцѣпъ съ большими мастерствомъ и съ большими воодушевленіемъ. Но, какъ только отъ берется за изображеніе лица изъ среды интеллигенціи, — воодушевленіе какъ бы покидаетъ его.

Что же это значить?

Мнѣ кажется что въ этомъ направленіи—въ изображеніи отрицательныхъ сторонъ жизни, въ изображеніи ея пошлыхъ проявленій—талантъ г. Чехова не глубокъ. Здѣсь

онъ схватываетъ только видимость, но не умѣетъ, какъ Гоголь, выставить „пошлость пошлаго человѣка“ такъ чтобы она ярко бросилась въ глаза всѣмъ. Тайныя пружины руководящія этою пошлостью, направляющія ее, заставляющія ее выражаться такъ или иначе, какъ бы скрыты отъ нашего автора: онъ видитъ только наружное выраженіе пошлости и схватываетъ только это наружное выраженіе. Вотъ почему почти всѣ его повѣсти и разказы производятъ впечатлѣніе какой-то странной неудовлетворенности: вамъ кажется что авторъ чего-то не договариваетъ.

Вы видите прекрасно воспроизведенныя внѣшнія черты, прекрасную манеру, какъ выражаются художники, — но вы чувствуете отсутствіе того что даетъ всему связь и гармонію: отсутствіе внутренняго настроенія въ самомъ авторѣ, того настроенія, которое придаетъ такой многозначительный смыслъ, такую неисчерпаемую глубину и такую выразительность произведеніямъ Гоголя...

Вотъ мы и пришли до того пункта, когда намъ пригодятся мысли высказанныя въ первой половинѣ этой статьи.

Г. Чеховъ не принадлежитъ въ числу тѣхъ рѣдко появляющихся врупныхъ талантовъ, на которые мало вліяютъ внѣшнія обстоятельства и вліянія современности, да и вліяютъ только временно, не оставивъ никакихъ слѣдовъ въ ихъ аріаломъ творчества. Но въ современныхъ нашихъ беллетри-

стовъ г. Чеховъ не только самый даровитый, но и самый самостоятельный. Вліянія эпохи не оставили никакихъ ~~внѣшнихъ~~ слѣдовъ въ его произведеніяхъ: здѣсь, въ этой области ~~внѣшней~~, онъ свободенъ, и его творчество ничѣмъ не стѣснено; но вліянія эпохи оставили глубокий внутренній слѣдъ въ ~~его~~ настроеніяхъ. Въ этихъ его внутреннихъ настроеніяхъ нѣтъ того законнаго романтизма, который былъ изгнанъ изъ нашей жизни отрицательнымъ отношеніемъ къ поэзіи, къ искусству, которое еще не совсемъ исчезло въ нашемъ обществѣ и теперь.

Гоголь, напротивъ, который какъ нѣкто умѣлъ выставить „пошлость пошлаго человѣка“, въ то же время, по своему внутреннему настроенію былъ романтикъ въ самомъ высшемъ и въ самомъ прекрасномъ смыслѣ этого слова...

Вотъ и въ разказѣ г. Чехова о которомъ у насъ идетъ рѣчь. Авторъ взялъ ту же тему какъ Островскій въ *Бѣдой невесты*. Но Островскій взялъ эту тему со стороны трагической; какъ центральное лицо у него выведена дѣвушка способная къ сознательному самопожертвованію. Г. Чеховъ беретъ дѣло со стороны комической. Что же онъ даетъ намъ? Посмотримъ.

Такъ же какъ и у Островскаго, бѣдная дѣвушка, чтобы спасти сенью, какъ она думаетъ, выходитъ замужъ за пошлаго чиновника, котораго она не любитъ. Разказъ начинается съ описанія свадебной поѣздки моло-

дыхъ. Мужъ и жена, только что обвинянные, сидятъ въ купѣ желѣзнодорожнаго поѣзда.

„Молодые остались одни“, читаемъ въ рассказѣ. „Модестъ Алексѣичъ осмотрѣлся въ купѣ, разложилъ вещи на полкахъ и сѣлъ противъ молодой своей жены, улыбаясь. Это былъ чиповникъ средняго роста, довольно полный, съ длинными баками и безъ усовъ, и его бритый, круглый, рѣзко очерченный подбородокъ походилъ на пяtku. Самое характерное въ его лицѣ было отсутствіе усовъ, это свѣже выбритое голое мѣсто, которое постепенно переходило въ щеки. Держался онъ солидно, движенія у него были не быстрыя, манеры мягкія.

„Не могу не припомнить теперь одного обстоятельства,— сказалъ онъ, улыбаясь.— Пять лѣтъ назадъ, когда Косоротовъ получилъ орденъ Святыя Анны второй степени и пришелъ благодарить, то его сіятельство выразился такъ: „Значитъ у васъ теперь три Анны: одна въ петлицѣ и двѣ на шеѣ“. А надо сказать, что въ то время къ Косоворотову только что вернулась его жена, особа сварливая и легкомысленная, которую звали Анной. Надѣюсь, что когда я получу Анну второй степени, то его сіятельство не будетъ имѣть повода сказать мнѣ то же самое“. Онъ улыбался своими маленькими глазками. И она тоже улыбаясь, волнуясь отъ мысли, что этотъ человѣкъ можетъ каждую минуту поцѣловать ея своими полными, влажными губами, и что она уже не имѣетъ права отказать ему въ этомъ. Мягкія движенія его пухлаго тѣла пугали ее, ей было и страшно и гадко. Онъ всталъ, не спѣша снялъ съ шеи орденъ, снялъ фракъ и жилетъ и надѣлъ халатъ“.

— Вотъ такъ,— сказалъ онъ, садясь рядомъ съ Аней.

Начинается супружеская жизнь. Жена не любитъ мужа и боится его. Кромѣ того, и цѣль оказывается недостигнутою: мужъ не помогаетъ ея семейству. Но вотъ наступаетъ время ежегоднаго бала, который „его сіятельство“, начальникъ Модеста Алексѣевича, даетъ для своихъ чиновниковъ. Аня ѣдетъ туда и, благодаря своей красотѣ, дѣлается „царицей бала“. Всѣ за ней ухаживаютъ, даже „его сіятельство“. На другой день представители высшаго общества явятся къ ней съ визитомъ. Аня почувствовала свою силу. Но вотъ конецъ рассказа.

„Во второмъ часу дня ее разбудила горничная и доложила, что пріѣхалъ господинъ Артыновъ (мѣстный богачъ) съ визитомъ. Она быстро одѣлась и пошла въ гостиную. Вскорѣ послѣ Артынова пріѣзжалъ его сіятельство благодарить за участіе въ благотворительномъ базарѣ. Когда онъ уѣхалъ, поцѣловавъ ей руку и попросивъ позволенія бывать еще, она стояла среди гостиной изумленная, очарованная, какъ бы не вѣря, что перемѣна въ ея жизни произошла такъ скоро, и въ это самое время вошелъ ея мужъ Модестъ Алексѣевичъ... И передъ ней также стоялъ онъ съ тѣмъ же заискивающимъ, сладкимъ выраженіемъ, какое она привыкла видѣть у него въ присутствіи сильныхъ и знатныхъ, и съ восторгомъ, съ негодованіемъ, съ презрѣніемъ, уже увѣренная, что ей за это ничего не будетъ, она сказала, отчетливо выговаривая каждое слово:

— Подите прочь, болванъ!

„Послѣ этого у Анн не было уже ни одного свободного дня, такъ какъ она принимала участіе то въ пикникѣ, то въ прогулкѣ, то въ спектаклѣ. Возвращалась она домой каждый день подъ утро и ложилась въ гостиной на полу и потомъ рассказывала, какъ она спитъ подъ цвѣтами. Денегъ нужно было очень много, но она уже не боялась Модеста Алексѣвича и тратила его деньги, какъ свои; и она не просила, не требовала, а только присылала счета, или записки: „выдать подателю сего 200 руб.“ или „немедленно уплатить 100 руб.“

„На Пасхѣ Модестъ Алексѣичъ получилъ Анну второй степени. Когда онъ пришелъ благодарить, его сіятельство отложилъ въ сторону газету и сѣлъ поглубже въ кресло...

— „Значитъ, у васъ теперь три Анны, — сказалъ онъ, осматривая свои бѣлыя руки съ розовыми ногтями: — одна въ петлицѣ, двѣ на шеѣ.

„Модестъ Алексѣичъ приложилъ два пальца къ губамъ, изъ осторожности, чтобы не размѣяться громко и сказалъ:

„— Теперь остается ожидать появленія на свѣтъ маленькаго Владиміра. Осмѣлюсь просить ваше сіятельство въ воспитанники.

„Отъ намекнулъ на Владиміра IV степени и уже воображалъ какъ онъ будетъ всуду разнашивать объ этомъ своемъ балабурѣ, удаченъ по вѣходчивости и силѣ, и хотѣлъ сказать еще что-нибудь такое по удачному, но его сіятельство вновь углубился въ газету и кинулъ головой...“

Разказъ Анна на шеѣ — одинъ изъ слабыхъ разказовъ г. Чехова. Онъ написанъ небрежно въ стилѣ и сѣріями первыхъ, небольшихъ анекдотическихъ разказовъ нашего автора. Но и въ немъ есть недурныя мѣста, есть *любовь*, а между тѣмъ разказъ въ тонѣ новцовъ производитъ впечатлѣніе анекдота. Отчего же это?

Да именно отъ того что для разработки подобной темы съ комической стороны нужно то же настроеніе глубокаго и возмущеннаго романтизма какое было у Остроумова когда онъ разработалъ эту тему въ *Блудной мысли* со стороны трагической. А вотъ этого настроенія у г. Чехова нѣтъ — и пока оно не возникнетъ въ душѣ его, всякое его новое произведеніе, какъ бы оно ни было мастерски написанно съ нѣжной стороны, будетъ оставаться въ читателя чувство неудовлетворенности и какого-то грустнаго недоумѣнія...

Ю. НИКОЛАЕВЪ.